

Одесская киностудия: 90 лет тому назад

"Легат посмотрел картину "Спартак" и приказал сжечь одесскую кинофабрику..."



В записных книжках Ильфа есть наброски о завоевании Одессы древними римлянами. "Легат посмотрел картину "Спартак" и приказал сжечь одесскую кинофабрику, как настоящий римлянин, он не выносил халтуры".

У Ильфа и Петрова к кинофабрике отношение более чем ироническое: "ВУФКУ пошло на новый кинематографический эксцесс — опять ставит картину из быта древнеримской империалистической клики.

Подъехавшие на семи фазтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами и организуют Юлию Цезарю большой триумф. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопсилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов.

Граждане города, не нанятые в римляне, с омерзением смотрят на действия родной киноорганизации", — это в фельетоне "Путешествие в Одессу" 1929 года. А в "Золотом теленке" и того хлеще: "На 1-й Черноморской кинофабрике был тот ералаш, какой бывает только

на конских ярмарках и именно в ту минуту, когда всем обществом ловят карманника".

Одесситы же в 1920-е годы неистово гордились своей кинофабрикой и желали сниматься в любой роли и у любого режиссера — что у москвича Эйзенштейна, что у турка Мухсин-Бея.

В этом году исполняется 90 лет со дня выхода картины "Спартак", которую снимали на ВУФКУ. Воспоминания современников о картине, режиссере и съемках, как правило, насмешливо-анекдотичные.

Но не так все просто. Ведь автором сценария был украинский поэт-футурист Гео Шкурпий, историческим консультантом — известный и уважаемый филолог и антиковед профессор Борис Варнеке. Роль диктатора сыграл одесский актер Матвей Ляров. Режиссера Эртегрула Мухсин-Бея называли реформатором, он учился в Париже, стажировался у Мейерхольда.

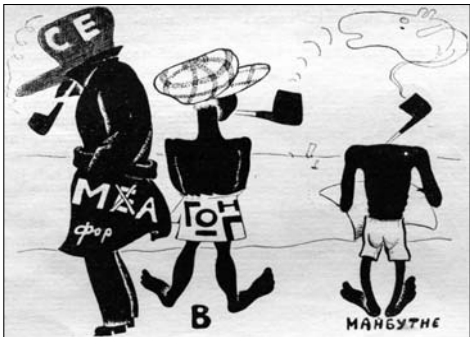
Фильм, увы, не сохранился. Но музыку из "Спартан" мы можем услышать и сейчас — ведь композитором был Арам Хачатурян, и музыка, написанная в двадцатые годы для фильма, легла в основу созданного им в пятидесятые годы балета. Кто знает — не будь фильма, возможно, и балета бы не было, и не наслаждались бы балетоманы партией Спартанка или Красса.

Да, конечно, не все, что придумано или снято в Одессе, безупречно, но какие последствия!

Алена ЯВОРСКАЯ.

Голливуд на березі Чорного моря

У ідальні кінофабрики завжди б'ються істерично двері, а за ідальнею западається червона земля — і на це місце стають, коли хочуть понюхати морської меланхолії. Найбільше сюди бігають молоді автори і футуристи-поети, стають і, задумливо попихкуючи люльками, спостерігають далекі й таємні кораблі, що мають по-везти їх на тропіки. Далеко внизу шавкає об пісок, налітаючи, море, свистить і шумить на березі та в повітрі. Під знаком цих романтичних шумів проходить і робота в одеській "Голлівуді".



Одесити — народ гарячий і симпатичний. Над усе вони кохають Одесу. Всі славетні люди з історії й географії, як відомо, були одеситами — це першого ж дня скаже Одеса, запевняючи вас, що Чарлі Чаплін народився на Молдаванці — від веселого вантажника Каплана. Той же Чарлі — за днів своєї юності — бігав босоніж на березі під кінофабрикою і, кидаючи в Чорне море камінці, згорав на одеському сонці. Ніхто

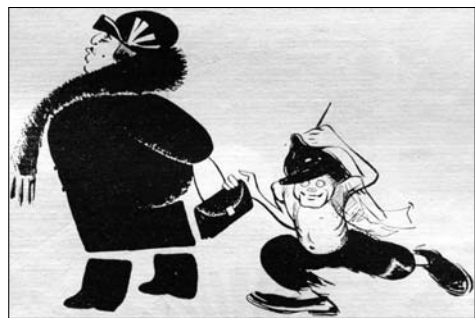
навіть не подумав накрутити з нього кількох паршивих метрів фільму — з цього босого й замураного хлопця, в якому струміла талановита кров вантажника Каплана.



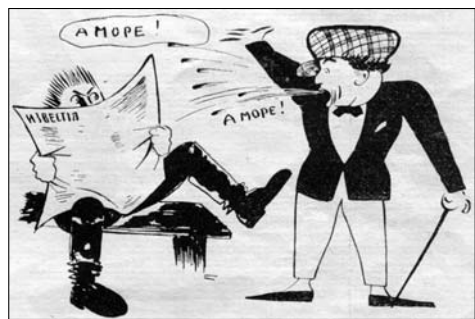
Коли ви довірливо слухатимете, не перериваючи й разу промовця, ще й не те почуєте. Вам доведуть, що Дуглас Фербенкс є незаконний син тітки Рухлі з пристани. Вона ще була тоді молодою і вродливою юнкою з очима "как море", стомилася після довгого робочого дня, таскаючи цукор на широкій спині, і лягла спати на теплому камені одеської ночі.

Цим скористався молодий мрійник з американського корабля "White House" і засліпив соромливу дівчину золотом та подарунками. До самого ранку умоляв він її сотнею різних мов серед портових пахощів. Камінь кришився, розпадаючись на порохи, від жаркої промови моряка. А на ранок молода Рухля кризь сльози дивилась на "White House", — як увозив він частину її серця і батька її майбутнього сінка — Дугласа.

Крайна веселого народу — це Одеса. На широких вулицях її росте ніби трава, бо кожний одесит не ходить ніколи просто, а все наче обминає якусь травинку. П'яні там — перші лицарі Веселого Ордену. Вони ходять на тротуарах сотнями — витончені, чемні і граціозні, і своєю вдачею можуть звести з розуму навіть не одесита.



Багато ще дечого почуєте ви від одесита, коли він заб'є вашу молодість феєрверком сенсаций, А якщо ви, людина бувала, облітете його вогонь водою вашого скепсису та скажете, що Одеса "так собі", — він огляне вас презирливо й викине свого останнього козира: — Так собі? А море?!



Там тридцять три адміністратори тридцять трьох кіноекспедицій шоліта кінофікують місто. Ви можете серед білого дня підійти до кожного одесита — хай на ньому буде каракуль і котик — і запропонувати йому участь у фільмові. Вас не пошлють до чорта і не покликають міліціонера, а, ввічливо усміхнувшись, питатимуть за умови. Там, кажуть, одного прекрасного літнього дня, по обіді, коли агенти різних компаній вийшли приймати з пароплавів мандарини, волову шкіру й корицю, — вони грали десь для фільму красиво й шумно.

Але це все — як тло. Він висітиме над нами весь час — цей незвичайний килим одеських звичаїв. Темна південна ніч покриває нас своєю яткою, на чорному небі стоять зорі, завжди кілька ясних зір, наче кинув хтось у небо яркір — одеський герб. Тихий свист, шум, гуркотіння трамвая — це все вщухатиме в місті, залишатиметься позаду і не перейде паркана кінофабрики.

Ніч. Два павільйони стоять і світяться зсередини, наче це хтось поставив вершки маяків на землю. Десятки прожекторів повертаються в павільйонах, і ворухнуться там клубок великого світла.

Юрій ЯНОВСЬКИЙ,
Журнал "Кино", 1926, № 6-7.

Одесская кинофабрика ВУФКУ

Одесса — спящая красавица. Дремлет, разморенная солнцем. Живет воспоминаниями и надеждой. Сегодня так же, как вчера и позавчера, уже много незаполненных дней со времени войны, жизнь города прилегла в полубездельи, в утомительном отдыхе и ожидании. Изредка проползет по морю пароход. Показается дымок на горизонте... Это ползет надежда.

Сердце Одессы — ее порт. До войны оно билось утешенно, лихорадочно. Пароходы из за моря и из океана толпились караваном в гавани, торопя город ревом гудков. Муравьи-грузчики и стальные когти лебедек потрошили железные пароходные брѳах и вновь фаршировали их хлебом и сахаром. Облегченные, поднимались они над водой и снова, тяжелея, опускались в нее, в густую, темную воду порта, и уходили, сытые, резво в море.

Моряки отдавали городу избыток земной любви, накопленной в пути из Эллады и Византии. Интернациональная братва рассыпала свои заморские песни, шутки, поцелуи и пляски в гостеприимных приютах города, гуляла по берегу и уплывала веселая.

Все долгие солнечные дни и синие ночи висели над портом ляжки железа и зовущие гудки котлов. Во всем городе: и на молу, и в веселых кафе, на бирже и на бульварах — смешивались и кипели наречия юга, востока и запада. Суетливые пальцы одесситов пожимали холодные ладони англичан, тонкие японские, горячие итальянские и медлительные пальцы турок. В Одессе очень скверно говорят по-русски и еще хуже — по-украински, и у города нет своего национального лица. Он рос не от земли, а от моря — раскинулся по берегу широко и быстро, по плану, начертанному на столе во-

инами, инженерами, торговцами и моряками. Полуевропейский морской город, не сросшийся с культурой своей страны Украины.

После войны порт еще не совсем проснулся — дремлет, едва подрагивая. Населения Одессы убывало больше чем наполовину. Город основательно разрушен боями, бандитами и воришками. И еще сейчас не в одиночку, а целыми улицами и переулками стоят, как оперные декорации, дырявые каменные скелеты обглоданных барских особнячков.

При мне 3000 одесситов изображали римлян. Актеры играли в бой гладиаторов на арене огромного фанерного Колизея.

Одесситы в хитонах, тогах и туниках по команде Мухсин-Бея, турецко-немецко-украинского режиссера, поднимали кулаки и, оттопырив низу большие пальцы, молча "кричали": "Добей его!"

Все ярусы Колизея были переполнены. Солнце с удивлением наблюдало римлян за три шестьдесят. Помрежи, неистовствуя, отбирали у одесситок веера (жарко) и несвоевременные вольные добавления к полуголому туалету (надо же одесситке чем-нибудь выделить себя из толпы себе подобной, потерявших свое подобие). Испуганные римлянки снимали невозможные модные шляпы, прятали их под себя и надевали на головы венки. Смеялись или негодовали только по команде.

Я пробирался к режиссеру среди патрициев и полуобнаженных дев, переступая через голые ноги отдыхающих. Шарахался от толпящихся потных нагих бедер, прятался от бегающих трех операторов, снимающих все это сразу сверху, с боков и снизу.

— Тише! Слушайте! Тише! Приготовились! Начали!

На арене Спартак поднял меч. И помрежи раскладывали на песке отрубленные головы.

Дежурный пожарный под стеной Колизея поит жаждущих римлян мощной струей из брандспойта. Они протягивают к воде пригоршни, рты и ноги. Бронзовые уличные мальчишки прыгают в самую струю, подставляя летящей воде и все остальное, вызывая зависть. Жарко. Колизей раскинулся над самым берегом моря, под холмами, на которых плотники доставляли Запорожскую Сечь для "Тараса Трясило" и убрали "берег Тибра" и "улицы Гамбурга". Там же, наверху, архитектор Байзенгерц сжег Рим.

Фабрика ВУФКУ не зажата в мешок домов, как Гогсико на Житной и Замоскворечье.

Кино — новая лихорадка Одессы. Вся Одесса снимается. Мало было фабрики, так приехали в прошлом голу Грановский, Эйзенштейн, Роом, Капчинский — "завертели" весь город. К этому лету Одесса подготовилась: местное ОДСК создало лаборатории для учета и классификации всего натурального одесского типажа. Но обещанные режиссеры-москвичи застряли в Москве. Одесса не вполне удовлетворена — мало ей Рима, Украины, Гамбурга, Лондона, Варшавы, для имитации которых то и дело снимают ВУФКУ Одессу и одесситов.

Фабрика велика и обильна техническими средствами и деньгами. Она — новое побочное сердце Одессы, здесь каждый день — приливы и отливы людей. На скамеечке артистов на улице у ворот (вместо коридора) каждый день встречаются москвичи. Актеры, актрисы, режиссеры — вольные и невольные беженцы из московского кино в ВУФКУ. Каждый вновь прибывший встречается кратко:

— И вы здесь?

А настоящие украинцы угрюмо оглядыва-

ются отсюда на родину, на Киевщину. Одесская фабрика велика и богата. И работы на ней много... И все бы для всех хорошо.

Но, как говорят в Одессе:

— Об что вопрос?

— Вам зовут.

Украинцев зовут Украина строить свою революционно-национальную фабрику в Киеве. Кинопроизводство трудно строить вне культурной среды, вне научных и художественных центров. Москвичей зовут Москва, но ведь она же "слезам не верит".

Впрочем, если вы хотите поехать на Первую Державную фабрику ВУФКУ — ее в Одессе всякий знает. С вокзала садитесь на трамвай и прямо говорите:

— На фабрику.

И вам дадут билет и укажут пересадку.

Одесская фабрика больше московских. Восемь съемочных групп могут работать здесь одновременно, не мешая друг другу, располагая обширной площадью для любыхстроек на открытом воздухе и тремя павильонами. Первый на 405 кв. метров, второй — 385 кв. метров. Третий оборудован в помещении огромного каменного сарая. Имеются своя электростанция и 280 осветительных единиц. Две кинолаборатории пропускают до 120000 метров в одну смену. Четко работают подсобные предприятия и цеха, особенно организованно и хорошо идут всевозможные декорационные стройки под руководством художника-архитектора Байзенгерца.

Штат фабрики — 273 человека, при мне работали, вместе с временными, 360 человек, не считая, конечно, участников массовок.

Хрисанф ХЕРСОНСКИЙ.